

ლიტერატურული ტექსტი როგორც
წინასწარმეტყველება
Literary Text as Prophecies

Irine Modebadze

Tbilisi, Georgia

Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature

Border Disruption and the Problem of Cultural Identity
(Russian-speaking writers of Georgia at the turn of
the XX-XXI centuries)

The political changes of the last century led to a strong migration wave, and now Russian-speaking writers of Georgia live in different parts of the world. They joined other Russian-speaking writers from different countries and together created a new cultural community of Russian-speaking writers. It is this that makes it difficult to identify their cultural identity.

The letter is separated to identify the main markers and justify need for their use in determining the cultural identity of Russian-speaking writers in Georgia; classify abundance of existing texts, divide them into conceptual groups and reveal their mental traits.

Key words: Border Disruption, Russian-speaking Writers of Georgia, Cultural Identity

Иринэ Модебадзе

Грузия, Тбилиси

Институт грузинской литературы им. Шота Руставели

**«Размывание национальных границ» и проблема
культурной идентичности: русскоязычная литература
Грузии на рубеже XX-XXI веков
(к постановке вопроса)**

Вступление. История русскоязычной литературы Грузии насчитывает уже почти двести лет. Ее истоки следует искать в культурной ситуации первой половины XIX века, когда после вхождения Грузии в состав Российской империи в стране интенсивно проводилась политика русификации и получить образование можно было лишь на русском языке. Следует особо оговорить, что свободное владение иностранными языками испокон века было обязательной частью образования грузин: даже самые низшие слои населения, как правило, владели языками соседних народов (хотя бы на контактном уровне). Объяснялось это, прежде всего, как необходимостью общения с многонациональным населением Тбилиси – одного из крупнейших перевалочных пунктов связывавшего Европу с Азией Великого шелкового пути, так и миграционными процессами в пограничных районах страны. Что касается образования – изучались как «христианские» языки (греческий, латынь), так и «политические», т.е. языки соседних влиятельных империй (персидский, арабский, турецкий), позднее к ним добавились европейские языки (начиная с XVIII в. это немецкий, позднее итальянский, французский, английский и, конечно же, русский). На протяжении веков приоритеты менялись, однако, с начала XIX века, русский язык обретает особый статус – это государственный язык Империи, на котором осуществлялась коммуникация всего населения огромной страны.

В связи с развитием в первой половине XIX века имевшей огромную популярность периодической прессы, практически ни один выдающийся деятель грузинской культуры не оставил нереализованной эту возможность непосредственного общения с населением Империи и ознакомления с достижениями грузинской национальной культуры самого широкого круга читателей. Однако в творческом наследии классиков грузинской литературы можно обнаружить русскоязычные тексты различных жанров – не только

публицистические очерки и письма, описывающие традиции, быт и фольклор родного народа, но и художественные сочинения, как прозаические, так и поэтические.

Тифлис /Тбилиси/ был столицей Кавказской губернии – культурным центром всего Закавказья. Поэтому в издаваемых здесь журналах активно сотрудничали деятели культуры соседних народов. Кроме того, благодаря многочисленным миграционным процессам на территории Империи, а также в послереволюционный период начала XX века, в Грузию приезжали и жили здесь русские писатели, часть произведений которых, благодаря своей тематике, составила т.н. Кавказский текст русской литературы.

Таким образом, начиная с XIX века вплоть до создания Советского Союза в Грузии создавались русскоязычные тексты, принадлежавшие различным национальным культурам. С образованием СССР ситуация кардинально меняется – при Союзе писателей Грузии функционирует секция русскоязычных писателей, и теперь уже, независимо от того, на каком языке писался тот или иной текст, все они являлись частью советской литературы.

Подводя итог, можно утверждать, что вплоть до нашего времени проблема культурной идентичности того или иного русскоязычного автора Грузии не ставилась. Она обрела актуальность только после распада Советского Союза и образования независимых государств т.н. постсоветского пространства, хотя процесс начался гораздо раньше: этот вопрос обрел особую значимость в связи с экономической миграцией и активно протекающим процессом культурной глобализации, когда, по словам Хоми Бхабха, «на рубеже столетий мы обнаруживаем себя в переходном состоянии, где встречаются пространство и время, чтобы разродиться сложными сочетаниями сходства и различия, прошлого и настоящего, внутреннего и внешнего, включения и исключения. Ибо в «за пределами» присутствует некое чувство потерянности, утраты направления: беспорядочная непрекращающаяся суэта, так хорошо улавливаемая французскими словами *au-dela* – здесь и там, со всех сторон, и *fort/da* – туда-сюда, взад-вперед» (Бхабха 2005: 161). В настоящее время специфика творчества писателей-мигрантов, а также особенности би- и полилингвального мироощущения является объектом пристального внимания научной общественности.

* в основном, они публиковались на страницах распространявшейся по всей территории Империи русскоязычной газеты «Кавказ» (1846-1919).

Политические перемены прошлого века привели к сильнейшим волнам миграции, и теперь уже русскоязычных писателей Грузии можно встретить во всех уголках современного мира – в разных странах, на разных континентах, впрочем, большинство из них проживает на территории Российской Федерации. Поскольку многие пользуются псевдонимами, на сегодняшний день установить точное количество проживающих за рубежом писателей – уроженцев Грузии и их прямых потомков, к сожалению, не представляется возможным: конфиденциальность частной информации охраняется международным законодательством. Тем не менее, можно дифференцировать две основные миграционные волны с различным вектором пространственной направленности:

1) падение Железного Занавеса, Оттепель, а, главное, демократические веяния эпохи Перестройки **расширяют** границы жизненного пространства и становятся определяющим фактором для экономических мигрантов – тех, кто покидает Союз в поисках лучшей жизни;

2) практически в то же время распад Советского Союза и установление жестких границ новых независимых государств значимо **сужают** привычное жизненное и культурное пространство проживающих на территории бывшего Союза и ставят их перед необходимостью определения собственной национальной и культурной идентичности”.

На волне роста национального сознания четко определились различные типы мироощущения, в числе которых в интересующем нас ракурсе можно выделить два основных типа:

а) осознание внутренней эмиграции: эту группу составили лица различного этнического происхождения, ощутившие себя оторванными от своей исторической родины и находящимися в инокультурной среде инородцами;

б) лиминальное, или гибридное сознание*** поликультурного типа, а также их инварианты.

* В ряде случаев, получая гражданство или меняя социальный статус, люди изменили фамилии, а иногда даже и национальность.

** Последняя, самая сильная, волна внутренней миграции на территории СССР была зафиксирована в 80-90 гг. годах прошлого века.

*** Термин *гибридное сознание* введен в научный оборот Хоми Бхабха (Bhabha 1994). По свидетельству Ильи Кукулина, «в неофициальной русской культуре и в культуре некоторых других народов СССР постколониальное сознание начало формироваться в 1960-е – начале 1970-х годов – задолго до распада СССР как империи. <...> После распада СССР в русской литературе и литературах других бывших «союзных республик» элементы постколониального сознания стали гораздо более заметными» (Кукулин 2013: 151).

Если в текстах писателей первой группы (т.е. покинувших родину в эпоху существования Советского Союза т.н. экономических мигрантов) можно выявить многие из присущих литературе мигрантов общих признаков, то для второй группы (мигрантов на территории постсоветского пространства), они, как правило, не характерны. Объясняется это совершенно особыми условиями, в которых оказались эти люди – сужение культурно-географического пространства привело к тому, что многие из них (в ряде случаев даже неожиданно для себя) оказались на территории соседних государств. Рассмотрим несколько наиболее общих случаев:

а) часть этих людей составила группу «внутренних эмигрантов». Родившись и живя в Грузии, они сохраняли тесную связь с исторической родиной, родным языком и своей национальной культурой. Несмотря на то, что многие владели не только русским и родным, но и грузинским языками, живя в Советском Союзе, центром советской культуры они признавали Москву, но, одновременно, центром собственной национальной культуры для них оставалась столица исторической родины (Баку, Ереван, Афины и т.д.). После распада СССР и образования новых независимых государств большинство из них покинуло Грузию и переселилось на родину своих предков, но некоторые обосновались в Москве. Как правило, их последующее творчество полностью ориентировано на ценности собственной национальной культуры. В качестве примера могу привести такого автора, как писатель и переводчик *Этимад Мурадов*. Уроженец Грузии, он переселился в Азербайджан, где продолжил писать (как и раньше) на русском и азербайджанском языках. Его творчество (по основным параметрам) принадлежит литературе Азербайджана, хотя сам автор является не только начальником Управления по культуре Центра переводов при Кабинете Министров Азербайджанской Республики, но и членом Союза азербайджанских писателей Грузии. Или, скажем, *Эльда Грин /Тригорян/* (1928-2016) – уроженка Тбилиси, член Союза писателей Армении, двуязычный писатель (русско-армянский). Детство писательницы прошло в

* Как правило, понятие *историческая родина* используется и как обозначение места рождения конкретного человека (то есть государства, на территории которого он родился), так и государства, к титульной нации которого он относится по своей национальности, независимо от места его рождения. В рассматриваемом случае речь идет о государствах, к титульным нациям которых они принадлежали по своему рождению.

Москве, первый родной язык – русский, на армянском языке она начала писать только после того, как семья Григорян переселилась в Армению. Несмотря на то, что, по свидетельству критики, в ее произведениях порой чувствуется «колорит Тифлиса 1930-х», своей первой родиной Эльда Грин считала Москву («Ереван – вторая моя родина» – Грин 2012).

Можно назвать немало имен представителей этой группы писателей, и за каждым именем – своя судьба (см.: Модебадзе 2016: 265-231). Разумеется, их творчество не может быть рассматриваемо в парадигме «русскоязычная литература Грузии». Впрочем, вопрос о том, насколько на художественном мышлении этих авторов оставил/не оставил след контакт с грузинской культурой является незаполненной лакуной и требует отдельного исследования;

б) люди, которые не по своей воле оказались на территории соседних государств в силу того, что задолго до распада Союза проживали там, вступили в брак, имели детей, налаженный быт и карьеру. Они оказались в чрезвычайно сложной ситуации, если можно так сказать, в роли «вынужденных мигрантов». Если раньше на территории единой страны (СССР) связь с родными и близкими не представляла сложности, то теперь ситуация кардинально изменилась. Особенно это верно по отношению к авторам, проживающим на территории Российской Федерации, где действует строгий визовый режим для граждан Грузии. Часто их творчество невозможно однозначно отнести к какой-либо одной национальной культуре. Например, творчество Ал. Эбаноидзе, на протяжении многих лет бывшего главным редактором журнала «Дружба народов». Про писателя, публициста и переводчика, Ал. Эбаноидзе Валерий Липневич совершенно справедливо отметил: «Непонятно чей классик – грузинский, русский, московский? Да в чем проблема: и русский, и грузинский»^{***}

* В своих интервью писательница рассказывала: «1936 году <...> нам пришлось переехать в Ереван, где мы никогда не были <...>: я попала в армянскую среду, научилась читать, писать и говорить по-армянски и, что самое главное, поняла, кто такие армяне. Хотя сначала я здесь чувствовала себя маргиналом, и это ощущение чуточку осталось во мне до сих пор, но все же я стала армянской писательницей, пусть и двуязычной» (Грин 2012).

** Условную дефиницию «вынужденные мигранты» ввожу с целью дифференциации этой группы от депортированных советским правительством за пределы СССР т.н. «принудительных мигрантов» (в терминологии Павла Поляна – Полян 2001), в отличие от которых эти люди оказались жертвами не тоталитарного режима, но исторических перемен.

*** Напечатано на обложке романа Ал. Эбаноидзе. «Маки на руинах» (2014).

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время русскоязычная литература создается уроженцами Грузии и их прямыми потомками:

- 1) на территории Грузии;
- 2) на территории Российской Федерации;
- 3) на территории различных государств мира.

В каждом конкретном случае она обладает рядом особенностей, свойственных только данной конкретной группе. В то же время прослеживается и ряд общих тенденций, в частности, можно констатировать тот факт, что творчество представителей всех этих групп по многим параметрам отличается от типологии творчества писателей-мигрантов из других стран. Поэтому для определения культурной идентичности создаваемых ими произведений выработанные современной наукой критерии требуют коррекции. В частности «не работают» основные маркеры культурной идентичности, такие как, например, *язык, религия и территория*.

1. **Язык** считается главным показателем этнической, национальной и культурной идентичности; однако невозможно игнорировать тот факт, что в ряде случаев «в разные эпохи при различных государственных системах говорящие на одном языке создавали различные культуры. Сложно отрицать и то, что язык является плодом коллективного творчества, на развитие которого большое влияние всегда оказывали контакты с другими народами и языками, иногда до такой степени, что люди забывали собственный язык, или создавали новый язык, соответствующий изменениям в мировоззрении народа» (Тевзадзе 2010 – on-line). Поскольку на протяжении последних веков ни один грузиноязычный писатель не мигрировал в русскоязычное культурное пространство, и мы можем говорить лишь о покинувших пределы Грузии русскоязычных авторах, в данном случае, этот маркер «не работает»: русский язык является или единственным родным, или, что встречается гораздо чаще – первым родным языком (в случаях би- и полилингвизма). Соответственно, независимо от того, где проживает в настоящее время тот или иной автор (в Грузии, на территории Европы, Америки, Канады или РФ), их творчество продолжает развиваться в парадигме родного языка. Русскоязычие в большинстве случаев затрудняет определение культурной идентичности – даже сами авторы не всегда могут однозначно ответить на вопрос о своей принадлежности к

* Здесь и в дальнейшем перевод с грузинского мой – *И.М.*

какой-либо национальной культуре и склоняются к распространенному мнению о том, что, поскольку они пишут на русском языке, их творчество принадлежит русской литературе. Но так ли это на самом деле? На этот вопрос мы постараемся ответить позднее.

2. «Не работает» и такой значимый маркер как **религия** (концепты *конфессия* и *вероисповедание*, на которые, как правило опирается система нравственных ценностей). Объяснение лежит на поверхности: с одной стороны, нравственные основы и русской и грузинской культур уходят корнями в православную традицию и имеют схожую систему нравственных ориентаций, но, с другой, огромное влияние оказывает и факт профанации религиозных ценностей за 70 лет существования госатеизма, в результате чего, достаточно большое количество бывших «советских людей» могло бы присоединиться к словам одного из героев Акунина-Чхартишвили: «К сожалению, я не религиозен – таким сформировала меня среда и воспитание» (Акунин-Чхартишвили 2012: 7). Поэтому применительно к русскоязычным авторам постсоветского пространства совершенно справедливым представляется утверждение Т. А. Снегиревой и А. В. Подчиненова: «Безусловно, что приверженность к той или иной религии, равно как и принадлежность к той или иной нации, не является гарантом поступательного развития личности и общества» (Снегирева ... 2013: 244).

3. **Местопроизводство** (территория) – не менее значимый показатель национальной и культурной идентичности. Однако, где бы ни жили интересующие нас писатели, все они поддерживают виртуальную связь с Русским миром, вступают в международные объединения русскоязычных писателей и не чувствуют себя обособленными от братьев по перу.

Практически во всех, как создаваемых на территории Грузии, так и зарубежом, текстах звучат ностальгические нотки – тоска по утраченной родине, но родина предстает тем большим общим русскоязычным миром, память о котором еще жива в сознании этого поколения, или видится в образе родного города – многонационального Тбилиси, каким он остался на ментальной карте его жителей. В качестве примера приведем два стихотворения московского автора, уроженки Тбилиси, Сопико /Софьи Бежановой/, опубликованные на российском литературном портале Стихи.ру:

Я так скучаю, мой Тбилиси...

Окно, распахнутое в небо,
В такой лазурный небосвод,
Скучаю очень, *менатреби*,
Я по тебе который год,

По милым уголкам Тбилиси,
По парку старому, в Ваке,
По ресторанчику «Эгриси»
Скучаю здесь я, вдалеке,

Хочу пройтись по Руставели,
Подняться на фуникулер,
Хочу, чтоб мне «*Мхолод шен...*»
 спели
Все, кто когда-то был влюблен,

Хочу я станцевать «*Картули*»
На свадьбе у своих друзей,
Хочу, чтоб времена вернулись,
Когда мы были вместе все,

Хочу услышать вновь «*Орэра*»,
Когда над нами солнца круг,
И песня прозвучит – *симгера*,
Лозой обвит здесь каждый звук!

Хочу, как в детстве, в «*Накадули*»
Смотреть любимое кино,
С соседской девочкой Нанули
В киоск бежать за эскимо,

Хочу я лимонад Лагидзе
В кафе уютном снова пить,
Хочу без памяти влюбиться,
Над «*Тирипеби*» слезы лить,

У памятника Горгасали
Над величавою Курой
Рассвет июньский вновь встречать бы
Всем классом в год наш выпускной,

Мне б в октябре, на «Тбилисоба»
Признаться вновь в любви тебе,
И говорить всем: «*Гамарджоба!*»
И слышать: «*Мравалжамиэр!*»

Спят Нарикала и Мтацминда,
Платанов кроны шелестят,
К тебе хочу – *ме шентан минда*,
Шепчу который год подряд,

Я так скучаю, мой Тбилиси,
До боли в сердце и до слез,
И о тебе, родной, все мысли
В краю снегов, в стране берез...

<https://www.stihi.ru/2011/03/14/558>

Тбилиси, спой мне Иавнана

О чем грустят твои платаны	И всех признаний жаркий пламень,
По фиолетовым ночам?	Что Руставели рождены,
Тбилиси, спой мне «Иавнана»,	Мой город, мой родной Тбилиси,
Вернув мне детское «вчера»,	Чем дальше ты, тем мне милей,
Тебе уже я прошептала	Галактион мне дарит мысли,
О том, как здесь скучаю я,	Леча поэзией своей!
Крепка любовь, как Нарикала,	И белый конь летит, как в песне,
И годы нас не разлучат...	Себя не дал он обуздать,
Моя ты боль, моя ты радость,	И лебедь рвется в поднебесье,
Ты-мой приют и цитадель,	Рожденный высоко летать!
Ты-мудрости извечный кладезь,	Вновь над Метехи солнце встало,
Ты как отец мне...И поверь	Тебе даря любви рассвет,
Что я люблю твой каждый камень,	Мой седовласый, величавый
Мосты, сады, изгиб Куры,	Тбилиси! Краше в мире нет!

<https://www.stihi.ru/2011/05/14/5781>

В первом стихотворении («Я так скучаю, мой Тбилиси...») мы выделили курсивом вкрапления написанных кириллицей грузинских слов. Почти во всех случаях в тексте тут же приводится их перевод на русский:

Скучаю очень, <i>менатреби</i>	<i>მენატრები</i> (<i>menatrebi</i>) – скучаю (по тебе)
песня прозвучит – <i>симгера</i>	<i>სიმღერა</i> (<i>simghera</i>) – песня
К тебе хочу – <i>ме шентан минда</i>	<i>მე შენთან მიბრძან</i> (<i>me shent'an minda</i>) – хочу к тебе.

Единственное исключение – данное без пояснений слово – *Гамарджоба* (*გამარჯობა* – *gamardjoba*) в переводе не нуждается: контекст однозначно указывает – это приветствие. Двуязычие, как художественный прием, далеко не нов (достаточно вспомнить стихи Вл. Маяковского)*. Вместе с названиями грузинских песен

* О художественной функции русскоязычных вкраплений в грузиноязычных текстах см.: (Модебадзе 2008: 350-356) и Модебадзе 2007: 508-516.

(«Мхолод шен...», «Тирипеби», «Мравалжамизр!») оно придает тексту специфичный «грузинский акцент». Примечателен и сам псевдоним: *Солико* – грузинская уменьшительная форма имени Сопио /Софья/. Однако, исходя из выбранного ракурса исследования, для нас гораздо более интересна другая группа выделенных мной слов.

Это реалии, которых давно уже нет в современном Тбилиси: нет кинотеатра «Накадули», да и сама улица, на которой он когда-то находился (ул. Камо) уже много лет как переименована; нет и ресторанчика «Эгриси». В начале 80-х годов XX века распался вокально-инструментальный ансамбль «Орэра» (правда, альбомы

песен «Орера» выходили почти до конца десятилетия). Перестроена набережная – проезжая часть расширена за счет бывшей когда-то популярным местом пешеходных прогулок платановой аллеи. В наше время гулять вдоль Куры (среди потока автомобилей!) практически невозможно, и традиция бродить после школьного выпускного бала по набережной до рассвета также давно ушла в прошлое...

Таким образом, все эти реалии оказываются маркерами не только города, но и времени, вернее, оставшейся в прошлом целой эпохи¹.

* Заслуживают внимания и отклики на это стихотворение мигрантов-тбилисцев: «Солико! Все во мне взбудоражила. Тот... Наш любимый город продолжает существовать в наших сердцах!..» (Ия Диаконидзе, 24.01.2012 13:02); «Пора, пора домой. Правда, кафе «Лагидзе» на Руставели уже нет. <...> И многое изменилось. Но главное – осталось...» (Канатчикова Дача 20.04.2011 15:58); «Эту боль назвали красивым словом – ностальжи... Разве можно боль называть красивым словом... Солико, за день ставшая мне духовно близким человеком, мы должны быть вместе!» (Роза Хастян, 18.01.2012 02:56) и т.д. Все они доказывают, что выраженные поэтессой чувства разделяют и другие мигранты, более того, объединенные порталом Стихи.ру, они как бы образуют новую культурную общность – «тбилисцы в России».

Совершенно очевидно, что Софья Бежанова покинула Тбилиси, скорее всего, в 80-х годах прошлого века, и на ментальной карте поэтессы город остался таким, каким был в то время. То, что *Сопико* прекрасно осознает, что ее ностальгия – это не только ностальгия по городу юности, но и по самой юности четко прочитывается в ее втором стихотворении: «*Тбилиси, спой мне «Иавнана»* (колыбельную – **И.М.**), *Вернув мне детское «вчера»*. К сожалению, способное перенести человека в мир прошлого вино из одуванчиков существует только в художественной реальности одноименной повести Рея Бредбери (“*Dandelion Wine*”, 1957)”, и концепт ‘ностальгия’ /по утраченной родине/ обретает дополнительную коннотацию тоски по утраченной юности”:

Шатало ты мое, шатало!
Как дышалось тогда нам привольно!
Тбилисо, мой родной Тбилисо,
Ты живи!!! И того мне будет довольно!»
(Сопико. <https://www.stihi.ru/comments.html?2011/03/14/558>)

Подобное смешение представляется совершенно естественным следствием произошедших перемен. Аналогичный мотив встречается в текстах и других поэтов (в том числе и проживающих в Грузии) – ностальгия по полной надежд юности, по той поре, когда «деревья были большие», а будущее представлялось безоблачной дорогой к счастью, персонифицируется в образ города «прекрасного вчера». Но время вносит свои коррективы (см.: Бессокирная...2010 (on-line)) – город изменился и, поскольку в реальности настоящего уже не существует оставшейся в прошлом, ‘*родины нашей юности*’,

* Названные в стихотворении места были особо популярны именно в 80-ые годы.

** «Вино из одуванчиков. Сами эти слова – точно лето на языке. Вино из одуванчиков – пойманное и закупоренное в бутылке лето» – Рей Бредбери. Первый перевод на русский – конец 70-х годов.

*** Примечательно, что читатели так и восприняли «Я так скучаю, мой Тбилиси...»: «Милая София! Это стихотворение-ностальгия... И в первую очередь – по детству... Нравится! спасибо!!!» (Лариса Шахбазян Лапшова, 14.03.2011 08:23)

то, независимо от того, где в настоящее время проживают поэты – в Тбилиси или за пределами Грузии, их объединяет общее чувство безвозвратной утраты.

Даже такой показатель гибридного сознания как раздвоение понятия *родина* также является общим для большинства авторов, независимо от места их проживания. В структуре их личного художественного пространства нередко четко просматриваются 2 центра: это родной город (как правило, Тбилиси) и, чаще всего, Петербург (см.: Мегрелишвили 2012: 366-375). Тот факт, что центром России представляется не Москва (столица бывшего Советского Союза), но Петербург (столица Российской империи) не позволяет причислить эти тексты к постколониальному дискурсу (см.: Толкачев 2013: 117-182). Конечно, подобное смещение можно было объяснить заложенной еще в XIX веке (в эпоху существования Российской империи) устоявшейся традицией, однако, Петербург нередко обозначен как «город Пушкина», «город Достоевского» и т.д., что дает основания полагать, что речь идет не об административном, но о духовном центре российской культуры, подчеркивая ее значимость в системе ценностных ориентаций.

Поскольку большинство наших авторов – уроженцы Тбилиси, неудивительно, что функцию концепта '*родина*' обретает именно Тбилиси, и национальная и культурная идентичность выражается через утверждение «Я – тбилисец». Более того, в ряде случаев Тбилиси выступает в качестве концепта '*историческая родина*', память о которой должна быть передана последующим поколениям, как, например, в стихотворении Dimitri S /Димитрия Шенгелия/. Приведу небольшой отрывок (опубликован на российском литературном портале Стихи.ру):

Мой дом – мой Тбилиси

Я не знал до сих пор
пока сам не услышал
как шумят поезда
в тишине той ночной.
Я не знал до сих пор
пока сам не увидел
как горят фонари
в темноте над рекой.
Я безумно влюблен
в город свой, свой Тбилиси.
Я приехал сюда
для того, чтоб любить.
Я хочу чтобы он,
сын мой, тоже увидел
те места где и я
предпочел бы жить.

Фонари над Курой
освещают мне путь
по которому я
выбрал всю жизни суть.
И угрюмая жизнь
по которой живут,
для меня бы она
создавала б уют.
Когда южное небо
создает ореол
от земли до созвездий
ты летишь как орел.
И когда ты безумен
и взмахнешь ты крылом,
то тогда не забудешь
как прекрасен твой дом.

<http://www.stihi.ru/2002/09/23-805>

Автор позиционирует себя как потомок тбилисцев. Из текста следует, что он впервые приехал на родину предков («... *я не знал до сих пор...*»), но для него Тбилиси не просто город, в который, как оказалось, он «*безумно влюблен*», это «*свой город*» – то место, где он «*предпочел бы жить*». Этот современный Тбилиси – далеко не идеализированный образ. Здесь «*угрюмая жизнь, по которой живут*», но – это «*дом*», где даже такая жизнь «*создавала б уют*», родовое гнездо, память/любовь к которому поэт должен передать рожденному в далеком краю сыну, и «*тогда не забудешь, как прекрасен твой дом*».

«Литература – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры» (Бахтин 1986: 363), и это заставляет нас обратить особое внимание на специфику понятий ‘Тбилиси’ и ‘тбилисец’ в общем контексте городской культуры*.

* Понятие *городская культура* включает в себя типичный для населения того или иного города образ жизни, собственную иерархию духовных ценностей и специфику менталитета (см.: Белоусова 2007: 214-219).

Благодаря многочисленным волнам миграционных и интеграционных процессов, за свою многовековую историю Тбилиси сформировался как мультикультурный город, в котором сложившееся из представителей различных национальных меньшинств, а также потомков смешанных браков русскоязычное население составило особый социо-культурный слой со своими традициями, мироощущением, жизненным укладом и собственными культурными концептами. Поэтому 'тбилисец' характеризуется целым рядом характерных особенностей, к самым значимым из которых можно причислить *этническую и культурную толерантность*. Специфику этого понятия прекрасно сформулировал проживающий на территории Германии писатель-мигрант Михаил Гиголашвили: «старый Тбилиси имел свою ауру, свою особую субкультуру, которая выработывалась веками и была основана на толерантности и взаимоуважении всех многочисленных наций, проживавших в этом – не менее вечном, чем Рим, – городе. 'Тбилисец' – очень конкретное понятие, вмещающее в себя много разных составляющих. Среди них в числе первых – гостеприимство, веро- и просто терпимость, душевность, хлебосольность, бесконечный юмор, оценка человека по его сути, а не по рангу, стремление понять душу другого, деликатность, приоритет поэзии и слова над другими проявлениями жизни, уважение к искусству, высокая интеллигентность» (Гиголашвили 2009 (on-line)). Таким образом, 'тбилисец' – это представитель особой субкультуры, созданной многими поколениями разнотнического населения мультикультурного города.

Как известно, структура любой городской субкультуры в качестве базовых элементов включает: *систему ценностных ориентаций, поведенческие модели и особую коммуникативную среду*, в которой рождаются и функционируют ее представители. Они определяют специфику мироощущения и образ жизни. Русский язык собственно и был подобной коммуникативной средой, объединявшей многоэтническую общность тбилисцев в условиях государственного билингвизма последних двух веков, и ценности русской культуры заняли далеко не последнее место в системе ценностных ориентаций тбилисской субкультуры. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что среди русскоязычных писате-

лей Грузии немало принадлежащих к титульной нации этнических грузин-билингв, пишущих и на грузинском, и на русском языках (Ника Гомелаури, Гугули Кебурия и др.). Иногда (хотя и гораздо реже), в зависимости от целевой аудитории, которой адресовано то или иное стихотворение, на русском языке создаются произведения и теми авторами, основное творчество которых однозначно принадлежит потоку грузинской литературы.

‘Тбилиси’, чаще всего, выступает как символ единения различных культур. Привлекает внимание тот факт, что как литературную традицию, мы встречаем Тбилиси в этом качестве и в произведениях представителей молодого поколения, для которых утрата «старого Тбилиси» такая же культурная трагедия, как и для писателей старшего поколения. По словам Т. Мегрелишвили, у поэтов нового поколения «тема Тбилиси <...> наполнена такими художественно значимыми составляющими, как древность, перекресток культур, исторический центр, одновременно вечный город, в котором новые поколения слагают новые мифы» (Мегрелишвили 2011: 79).

Совпадения основных маркеров концептосферы в творчестве проживающих в Грузии и за ее пределами писателей, дают основание полагать, что мы имеем дело с ответвлениями единой *русскоязычной субкультуры тбилисской городской культуры*. По-видимому, именно с этой позиции и следует рассматривать весь массив русскоязычной литературы Грузии.

Как известно, в настоящее время активно развивается процесс формирования нового типа человеческой личности, который часто характеризуют как «маргинальный» (поскольку считается, что эти люди существуют на стыке двух и более культур – см. Мартынова 2010: 507-528) или, в контексте постколониального сознания, как «гибридный». В условиях ускорения процессов культурной диффузии, огромный интерес научной общественности привлекают проблемы *инкультурации* (усвоения традиций и норм поведения иной культуры), «маргинальной среды», под которой понимается

* Напр., грузинский поэт Миндия Арабули, вступая в межтекстуальный диалог с А.С. Пушкиным, пишет стихотворение «Пьедестал» не на грузинском, а на русском языке (см.: Модебадзе 2019: 463-468).

сфера схождения культур, «культурной маргинальности»^{*} и кросскультурных контактов.

Русскоязычная литература Грузии, в особенности ее культурное ядро – тбилисская русскоязычная субкультура, на протяжении веков, пройдя все этапы развития от *мультикультурализма* до *аккультурации*^{**}, обрела уникальный культурный опыт (см.: Аверина 2010: 412-427; Сванидзе 1995 и др.), что дает основание допускать развитие освященного многовековой традицией *транскультурализма*^{***}, сложившегося задолго до возникновения самого этого понятия. Полагаем, что изучение русскоязычной литературы Грузии в кросскультурологическом и транскультуральном аспектах представляет собой перспективное направление будущих исследований и будет способствовать более четкой дифференциации и систематизации не только ее основных показателей, но и вызванных миграционными процессами современных изменений этноструктуры развитых стран.

Литература:

Bhabha 1994: Homi K. Bhabha, *“The Location of Culture”*, Routledge, 1994.

Аверина 2010: Аверина М.В. Городская культура как объект исследования. *Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований*. Москва: Смысл, 2010, стр. 412-427.

Акунин-Чхартишвили 2012: Акунин-Чхартишвили. *Аристонмия*. Москва: Захаров, 2012, 544 с.

* *культурная маргинальность* - понятие, характеризующее положение и особенности жизнедеятельности групп и отдельных личностей, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотнесены (реально или в интенции) с различными культурными системами, но при этом они не интегрированы полностью ни в одну из них.

** В процессе аккультурации (взаимовлияния культур) происходит восприятие, полностью или частично, культуры другого народа, могут быть изменены оригинальные культурные модели одной или обеих групп, но сами группы по-прежнему остаются различными.

*** Транскультурализмом принято обозначать принадлежность индивида (или группы) к нескольким культурам при условии сохранения собственной культурной ориентации, т.е. способность осваивать одновременно различные культурные традиции в их совокупности.

Бахтин 1986: Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

Белоусова 2007: Белоусова Г.А. Городская субкультура как категория современной социологии. *Вестник Ставропольского государственного университета*, 48/7, стр. 214-219. (on-line): <http://vestnik.stavsu.ru/48-2007/33.pdf>

Бессокирная ... 2010: Бессокирная Г.П., Большакова О.А., Караханова Т.М. *Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986-2008)* / Под общ. ред. Т.М. Карахановой. Москва: Изд-во Института социологии РАН, 2010. 344 с. (on-line): <https://www.isras.ru/publ.html?id=2002>

Бхабха 2005: Бхабха Х. Местонахождение культуры. *Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2005. № 3-4., стр. 161-191 (on-line): https://web.archive.org/web/20160922182855/http://www.ehu.lt/files/periodicals/CrossRoad_3-4_2005.pdf

Гиголашвили 2009 (on-line): https://www.2000.ua/v-nomere/aspekty/slovo/rossii-i-gruzii_arhiv_art.htm

Грин 2012: Бахчинян Арцви. Эльда Грин: Армянская писательница с московским детством. *Иные берега*, №2(26), 2012 (on-line): <http://iniebereg.ru/node/405>

Кукулин 2014 (on-line): Кукулин Илья. «Внутренняя постколониализация»: фор-мирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов. *Политическая концептология*. 2013. № 2, стр. 149-185. (on-line): <http://politconcept.sfedu.ru/2013.2/09.pdf>

Мартынова 2010: Мартынова В.В. Маргинальность как социокультурный феномен эпохи глобализации. *Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований*. Москва: Смысл, 2010, стр. 507-528.

Мегрелишвили 2012: Мегрелишвили Т.Г. Модели самоидентификации и само-рефлексии в прозе представителей современной русскоязычной литературы Грузии. *Powróćcie do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji / Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья*/. Słupsk: Akademia Pomorska w Słupsku, 2012, стр. 366-375.

Мегрелишвили 2011: Мегрелишвили Т.Г. Русскоязычная поэзия современной Грузии: художественные тенденции. *Болгарская русистика*, 2011/3-4, стр. 73-87.

Модебадзе 2019: Грузия-Россия: интертекстуальность как межкультурный диалог 21 века. *Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития*. Ереван: ЕГУ, стр. 463-468.

Модебадзе 2016: მოდებაძე ირინე. საქართველოს მწერლობა რუსულ-ენოვან კულტურულ სივრცეში (ტერმინოლოგიური დეფინიციების დაზუსტებისათვის). *ქართული მწერლობის ინტერკულტურული მოდელი და ნაციონალური იდენტობის პრობლემა* /Модебадзе Иринэ. Литература Грузии в русскоязычном культурном пространстве (к уточнению терминологических дефиниций). *Интеркультурная модель грузинской литературы и проблема национальной идентичности*/. თბილისი: უნივერსალი /Тбилиси: Универсал/, 2016, სტრ. 265-321. (на груз. яз.).

Модебадзе 2008: Модебадзе И.И. *Русская литература в контексте грузинской литературы: история и современность. Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве*, Санкт-Петербург 15–17 октября 2008, Том 1, часть 1 – *Русская литература в контексте мировой культуры*. Санкт-Петербург, 2008, სტრ.. 350-356.

Модебадзе 2007: Модебадзе И.И. Русскоязычные включения в текстах грузинской прозы: история и современность. *Русский язык в странах СНГ и Балтии*. Москва: Наука, 2007, სტრ. 508-516.

Полян 2001: Полян П. 2001. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. Москва: ОГИ–Мемориал, 2001 (on-line): <http://old.memo.ru/history/deport/>

Сванидзе 1995: Сванидзе А.А. *Город как социокультурное явление исторического процесса*. Москва: Наука, 1995, 351 ს.

Снегирева ... 2013: Т.А. Снегирева, А.В. Подчиненов. Аристомом Б.Акунина: национально-религиозный аспект. *Филология и культура. PHILOLOGY AND CULTURE*. 2013, №2 (32) (on-line): <https://cyberleninka.ru/article/v/aristonom-b-akunina-natsionalno-religioznyy-aspekt>

Тევაძე 2010 (on-line): გურამ თევზაძე. *ეროვნული იდენტობა როგორც არჩევანის შედეგი* /Гурამ Тевзадзе. *Национальная идентичность как следствие выбора*/. BURUSI (on-line): <http://burusi.wordpress.com/2010/11/05/guram-tevzadze-6/>

Толкачев 2013: Толкачев С.П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе. *Знание, Понимание. Умение*, 2013, №2, სტრ. 117-182.